

Научная статья

УДК 811.111'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-152-165

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В МАССМЕДИА

Шевченко Вячеслав Дмитриевич¹,
Шевченко Екатерина Сергеевна²

^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева,

¹ Самарский государственный технический университет,

¹ Приволжский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия,

¹ vds@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

² e.shevchenko@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу дискурсивных функций цитат в медиатекстах. Цель статьи — анализ основных дискурсивных функций интертекстуальных включений (ИВ) в медиатексте. В ходе работы использованы методы дискурс-анализа, лингвокогнитивного, лингвистического анализа, приемы наблюдения и описания. Выявлены и проанализированы языковые и экстралингвистические средства выполнения дискурсивных функций ИВ. Актуальность исследования обусловлена важной ролью ИВ в процессе воздействия на сознание реципиента. Особой значимостью при этом обладает дискурсивная функция ИВ, которая определяется как зависимость формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов включения от тех же составляющих принимающего текста. Ценность научной работы состоит в том, что она вносит вклад в интерпретацию медиа-дискурса с точки зрения когнитивной лингвистики и прагмалингвистики. Полученные в ходе изыскания результаты могут быть применены в курсах по лингвистике текста и дискурса, стилистике, семантике. Проведенное изучение показывает, что ИВ играют значимую роль в составе современного медиатекста. Несмотря на то что включенный и принимающий тексты отделены друг от друга разными дискурсами, жанрами, контекстами, а также значительно отдалены друг от друга во времени и пространстве, тем не менее ИВ оказывают значительное влияние на интерпретацию содержания современного медиатекста, формирование или изменение мнения читателя. Содержание современного медиатекста также воздействует на переосмысление событий прошлого, репрезентируемых при помощи ИВ. В зависимости от формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных характеристик ИВ, на наш взгляд, по отношению к принимающему медиатексту выполняют детализирующую, экспрессивную, объяснительную и информативную дискурсивные функции.

Ключевые слова: дискурсивные функции, медиатекст, интертекстуальное включение, контекст, когнитивная лингвистика.

Для цитирования: Шевченко, В. Д., Шевченко, Е. С. (2026). Дискурсивные функции интертекстуальных включений в массмедиа. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 152–165. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-152-165>

Original article

UDC 811.111'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-152-165

DISCURSIVE FUNCTIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN MASS MEDIA

**Viacheslav D. Shevchenko¹,
Ekaterina S. Shevchenko²**

^{1,2} Samara National Research University,

¹ Samara State Technical University,

¹ Volga State Transport University,
Samara, Russia,

¹ vds@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

² e.shevchenko@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the discursive functions of quotations in media texts. The purpose of the article is to analyze the main discursive functions of intertextual inclusions within media texts. While undertaking research the authors used the methods of discourse analysis, linguocognitive analysis, linguistic analysis, and observation and description techniques. As a result, the article identifies and analyzes the linguistic and extralinguistic means of implementing the discursive functions of intertextual inclusions. The topicality of the research is determined by the important role of intertextual inclusions in the process of influencing the recipient's consciousness. The discursive function of intertextual inclusions is defined as the dependence of the formal, semantic, cognitive, pragmatic, and contextual elements of the inclusion on the same components of the receiving text. The value of this research lies in its contribution to the interpretation of media discourse from the perspective of cognitive linguistics and pragmalinguistics. The results obtained during the research can be applied in courses on linguistics of text and discourse, stylistics, semantics. The conducted research has shown that intertextual inclusions play a significant role in the composition of modern media text. Despite the fact that the included and receiving texts are separated from each other by different discourses, genres, contexts, and are also significantly distant from each other in time and space, they nevertheless have a significant impact on the interpretation of the content of a modern media text, the formation or change of the reader's opinion. The content of a modern media text also influences the reinterpretation of the events of the past, represented with the help of intertextual inclusion. Depending on the formal, semantic, cognitive, pragmatic, and contextual characteristics, intertextual inclusions, in our opinion, perform detailing, expressive, explanatory, and informative discursive functions in relation to the receiving media text.

Keywords: discursive functions, media text, intertextual inclusion, context, cognitive linguistics.

For citation: Shevchenko, V. D., & Shevchenko, E. S. (2026). Discursive functions of intertextual inclusions in mass media. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 152–165. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-152-165>

Введение

Медиадискурс и медиакommunikация традиционно привлекают внимание множества исследователей, которые обращаются как к современной проблематике (Балакина, 2024; Анисимов и др., 2024; Резанова, Владимирова, 2024; Влавацкая, Родина, 2024; Галичкина, Дроздова, 2025; Болдырев, Ефименко, 2025; Заботкина, Позднякова, 2025; Копнина, 2025), так и к медиатекстам прошлого (Азарова, 2024).

Современные средства массовой информации используют разнообразные, в том числе и мультимедийные материалы для привлечения внимания читателей и выполнения основной своей функции — информирования и убеждения читателя. Несмотря на обилие мультимедийных материалов в медиатекстах, которые также в основном представлены в электронном виде, языковые способы фиксации внимания читателя, выделения наиболее значимых элементов сообщения, а также когнитивных моделей ситуаций не теряют своей актуальности, развиваются и совершенствуются.

Один из таких способов — использование интертекстуальных включений. Интертекстуальности посвящено большое количество трудов отечественных и зарубежных исследователей (Толочин, 1996; Кузьмина, 1999; Чернявская, 1999; Kristeva, 1980; Баль, 2025), но данная проблема продолжает оставаться актуальной, поскольку в настоящее время наблюдается и существование, и репрезентация тесных связей между различными сферами жизнедеятельности человека, а также между разными временными периодами: журналисты достаточно часто обращаются к событиям прошлого и применяют относящиеся к ним тексты для анализа современных событий или предсказания будущих.

Интертекстуальность как связь разных типов между текстами следует отличать от феномена прецедентности, относящегося к единицам, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» (Гудков и др., 1997, с. 102). В рамках настоящего исследования проводится анализ именно интертекстуальных единиц — цитат.

Журналисты обращаются к интертекстуальным включениям, поскольку они выступают знаками определенного социокультурного контекста, принадлежащего определенной эпохе, который контрастирует с представленным в современном медиатексте, являющемся составной частью медиадискурса. Как правило, интертекстуальные включения репрезентируют другие дискурсы, что также подчеркивает их особую роль в составе медиадискурса.

В связи с принадлежностью интертекстуального включения (ИВ) иному дискурсу возникает вопрос о его дискурсивной функции. И. В. Арнольд пишет о том, что «функция как математическое понятие есть зависимость одних переменных

величин от других» (Арнольд, 1999, с. 159). Дискурсивную функцию ИВ мы определяем как зависимость формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов включения от тех же составляющих принимающего текста. Реализация данной функции происходит благодаря контрасту между составляющими ИВ и принимающего текста и соотносению взаимодействующих текстов с их социокультурными контекстами, что, собственно, и является обращением к дискурсам взаимодействующих текстов и к их функциям. И. Т. Касавин выделяет такие функции дискурса, как когнитивная, аксиологическая и прагматическая: дискурс «способен сообщать знания, влиять на эмоциональное состояние, побуждать к действию» (Касавин, 2008, с. 367). Соглашаясь с данной классификацией, мы полагаем, что обращение к различным характеристикам ИВ и принимающего текста, а также к отношениям между ними позволяет выделить более точные разновидности когнитивной и аксиологической функций.

Цель исследования заключается в выявлении дискурсивных функций ИВ в медиатекстах на материале интернет-версии журнала *National Geographic (Was Nero..., 2024)*.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть формальные, семантические, когнитивные, прагматические и контекстуальные характеристики ИВ, применяемых в рамках анализируемой статьи;
- 2) провести анализ языковых и экстралингвистических средств, посредством которых ИВ выполняют детализирующую функцию по отношению к принимающему медиатексту;
- 3) выявить языковые и экстралингвистические средства, посредством которых ИВ выполняют экспрессивную функцию в медиадискурсе;
- 4) проанализировать языковые и экстралингвистические средства, посредством которых ИВ выполняют объяснительную функцию по отношению к принимающему медиатексту;
- 5) рассмотреть языковые и экстралингвистические средства, с помощью которых ИВ выполняют информативную функцию в медиадискурсе.

Научная новизна проведенной научной работы заключается во впервые реализованном комплексном анализе формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных элементов ИВ, а также таких же составляющих принимающего медиатекста, что позволило впервые выявить ряд дискурсивных функций ИВ в рамках медиадискурса.

Методология исследования

В ходе исследования для определения контекстуальных и прагматических особенностей включенного и принимающего текстов, в том числе для установления специфики конкретно-исторической ситуации, задействовался метод дискурс-анализа.

В целях выявления формальных, семантических и когнитивных особенностей взаимодействующих текстов применялся метод лингвокогнитивного анализа, а также приемы наблюдения и описания.

Комплекс методов позволил определить взаимосвязь между этими особенностями включенного и принимающего текстов и, следовательно, проанализировать несколько дискурсивных функций, выполняемых интертекстуальными включениями в рамках медиатекста.

В качестве источника фактического материала выбрана интернет-версия журнала National Geographic; в ходе исследования проанализировано 12 примеров ИВ, встречающихся в медиатексте.

Результаты и дискуссия

Рассмотрим пример из медиатекста — статью, размещенную на сайте журнала National Geographic и рассказывающую о личности римского императора Нерона:

According to Roman historian Suetonius, the young Nero was prone to acts of **«wantonness, lust, extravagance, and cruelty»**. With age, he wrote, the emperor's vices only grew stronger: **He prolonged his revels from midday to midnight... Sometimes too he closed the inlets and banqueted in public in the great tank, in the Campus Martius, or in the Circus Maximus, waited on by harlots and dancing girls from all over the city** (National Geographic, 2024).

Согласно римскому историку Светонию, юный Нерон был подвержен «распутству, похоти, расточительству и жестокости». С возрастом, писал он, пороки императора только усиливались: Он устраивал свои пиршества с полудня до полуночи... Иногда он закрывал входы и прилюдно пировал в просторных термах на Марсовом поле или в Большом цирке вместе с блудницами и танцовщицами со всего города (здесь и далее перевод наш. — В. Ш.).

В данном случае в состав медиатекста как неотъемлемой части медиадискурса включен фрагмент исторического произведения, созданного древнеримским писателем и историком Светонием; данное ИВ, в свою очередь, репрезентирует исторический дискурс и в то же время выполняет особую дискурсивную функцию в составе медиадискурса.

Уделим внимание специфике дискурсивной функции данного ИВ. Прежде всего, следует обратить внимание на зависимость формальных и семантических элементов ИВ от таких же составляющих принимающего текста. В отличие от медиатекста, который носит аналитический характер, поскольку автор в нем изучает личность, историю жизни и действия императора Нерона, ИВ представляет собой исторический нарратив — фиксацию значимых для истории событий.

Что касается зависимости семантических элементов друг от друга, то принимающий текст содержит некоторые лексические единицы с обобщенным значением, которые конкретизируются при помощи других языковых единиц ИВ, например:

<i>vices</i> (принимающий текст):	<i>wantonness, lust, waited on by harlots and dancing girls</i> <i>from all over the city</i> (ИБ);
<i>life of the party</i> (принимающий текст):	<i>extravagance, prolonged his revels from midday to midnight,</i> <i>banqueted in public in the great tank</i> (ИБ).

Таким образом, между ИВ и принимающим текстом устанавливаются следующие семантические корреляции: принимающий текст содержит лексическую единицу, обозначающую пороки (*vices*); ИВ при этом имеют лексические единицы, обозначающие конкретные пороки (*wantonness, lust*), и объекты пороков (*harlots and dancing girls*). В принимающем тексте также есть словосочетание, обозначающее праздный образ жизни (*life of the party*); при этом в ИВ содержатся языковые единицы, обозначающие одну из характеристик праздной жизни — расточительность (*extravagance*), и языковые единицы, которые также передают конкретные действия, вызывающие расточительность (*prolonged his revels from midday to midnight, banqueted in public in the great tank*).

Здесь наблюдается следующая зависимость: ИВ выполняет детализирующую функцию, поскольку содержит более детальную информацию по отношению к информации обобщающего характера, содержащейся в принимающем тексте. Языковые единицы ИВ обозначают конкретные действия, места и участников событий, в то время как языковые единицы принимающего текста в основном номинируют события в целом. Именно благодаря соположению включенного и принимающего текстов читатель соотносит языковые единицы, содержащиеся в них, устанавливая семантические корреляции между ними по модели «общее vs частное». Иными словами, читатель понимает, что ИВ передает более подробную информацию, только когда сопоставляет эти единицы с единицами принимающего текста, передающими обобщенные значения. Именно в этом проявляется зависимость, в частности, формальных и семантических элементов ИВ и принимающего текста друг от друга, что позволяет ИВ выполнять детализирующую функцию. Дискурсивная функция ИВ в данном случае реализуется прежде всего благодаря зависимости формальных и семантических элементов ИВ от этих же элементов принимающего медиатекста.

Также осуществлению ИВ детализирующей дискурсивной функции способствует зависимость когнитивных элементов ИВ от тех же элементов принимающего текста. Языковые единицы ИВ репрезентируют и одновременно актуализируют в сознании реципиента когнитивную модель ситуации, в которой доминантными являются такие компоненты, как *участники* (*harlots, dancing girls*), *действия*, совершаемые во время пиршества (*banqueted in public in the great tank*), *время* и *место*, так как именно их репрезентируют знаки, содержащиеся в ИВ. Очевидно, что языковые единицы ИВ репрезентируют основные компоненты когнитивной модели ситуации «пиршество», т. е. данная модель в ИВ также представлена детально.

Принимающий текст также репрезентирует когнитивную модель, но другой ситуации — «принятие государственного решения»:

Early in his reign, to avoid abuses of power by the sovereign and the Senate, he eliminated secret trials held *intra cubiculum principis* (literally «inside the prince's chamber»), which involved the arbitrary condemnation or acquittal of a prisoner. Such private hearings had been common in the time of Claudius, and their suppression was recommended by Nero's former tutor and mentor, the philosopher Seneca (National Geographic, 2024).

В начале своего правления, чтобы избежать обвинений в превышении власти императора и Сената, он отменил секретные суды, проводившиеся *intra cubiculum principis* (букв.: «внутри покоев правителя»), во время которых обвиняемому произвольно выносили приговор или оправдывали его. Такие тайные суды были распространены во время правления Клавдия, а отменить их рекомендовал Нерону его бывший учитель и наставник — философ Сенека.

Несмотря на то что принимающий текст относится к другой ситуации, между репрезентируемыми когнитивными моделями наблюдается следующая зависимость: когнитивная модель ситуации принимающего текста также получает достаточно детальную репрезентацию, но доминантными в ней являются такие составляющие, как *участники* (*Nero, the Senate, prisoner, Claudius, Seneca*), *действия* (*eliminated secret trials*) и *предшествующие события* (*Such private hearings had been common in the time of Claudius, and their suppression was recommended by Nero's former tutor and mentor, the philosopher Seneca*). Сопоставление и сравнение доминантных компонентов когнитивных моделей ситуаций ИВ и принимающего текста показывают, что к доминантным в обеих моделях относятся составляющие участники и действия, что способствует фиксации внимания читателя на них и пониманию важной роли субъекта и его действий в развитии события. Зависимость элементов друг от друга, о которой шла речь ранее, заключается в том, что именно благодаря сопоставлению моделей читатель выделяет общие для них доминантные компоненты.

Что касается зависимости прагматических элементов, то в данном случае, скорее, на первый взгляд наблюдается комбинирование прагматических целей ИВ и принимающего текста: целью автора исторического текста, как уже отмечалось, выступает фиксация значимых для истории событий, на основе которой потомки составляют о них свое мнение. Прагматической целью автора медиатекста служит информирование читателя и убеждение его в своей точке зрения. Тем не менее зависимость может выражаться в том, что медиатекст определенным образом использует ИВ: прагматическая целеустановка ИВ подчинена медиатексту; таким образом, цель автора исторического текста как бы используется автором медиатекста.

Как отмечает П. Вердонк, дискурс представляет собой процесс активации текста путем соотношения его с контекстом использования (Verdonk, 2002, p. 18–19). Сопоставляя ИВ и принимающий текст с их контекстами применения,

мы обращаемся к их дискурсам, которые также вступают во взаимодействие друг с другом.

Рассмотрим связи между контекстуальными элементами ИВ и принимающего текста, также оказывающими влияние на выполнение ИВ детализирующей функции и в то же время выполнение принимающим текстом генерализирующей функции по отношению к ИВ. Пониманию дискурсивных функций как ИВ, так и принимающего текста способствует то, что реципиент, воспринимая смыслы, содержащиеся в медиатексте и в ИВ, соотносит эти смыслы с их контекстами, т. е. со знаниями о событиях и соответствующем культурно-историческом периоде, которые содержатся в его памяти. Одновременно реципиент обновляет хранящиеся в его памяти когнитивные модели ситуаций и знания о соответствующих событиях.

Поскольку в дискурсивной функции мы рассматриваем зависимость одних элементов от других, то нужно понять, как зависят друг от друга ситуационные контексты взаимодействующих текстов. В анализируемом примере такая составляющая современного контекста, как мнение реципиента об историческом персонаже, подвергается изменениям позитивного характера благодаря историческому контексту, вернее, новым знаниям о деталях исторического контекста (например, событиях, действиях, совершаемых субъектом и т. п.), содержащимся в тексте (зависимость современного контекста от исторического). Исторический контекст, представленный конкретно-исторической ситуацией (Прогнозное..., 1994), переосмысливается благодаря такой составляющей современного контекста, как цель участника (журналиста), заключающейся в переоценке некоторых черт личности древнеримского императора (зависимость исторического контекста от современного). Мы полагаем, что в подобных случаях мы имеем дело с интерференцией (взаимовлиянием) дискурсов (Шевченко, 2010).

В данном случае действуют, по нашему мнению, внутренние факторы детерминации контекста, к которым Дж. Фёрт относит индивидов со свойственными им качествами (включая их языковые и внеязыковые действия), а также внеязыковые и внеличностные события (Firth, 1968).

В следующем примере ИВ также выполняют детализирующую дискурсивную функцию:

The animosity the Roman people showed toward Poppaea wasn't shared in other parts of the empire. In the Campania region, where Poppaea was born in the city of Pompeii, the imperial couple enjoyed popular support. On the walls of Pompeian houses (destroyed by the eruption of Vesuvius in A. D. 79) archaeologists uncovered graffiti reading «**Hail Nero**», «**Long Live Poppaea**», and «**Hurray for the Emperor and Empress**» (National Geographic, 2024).

Той враждебности, которую испытывали римляне по отношению к Пoppее, не было в других провинциях империи. В Кампании, где Пoppея родилась в городе Помпеи, императорская чета пользовалась поддержкой народа. На стенах помпейских домов (разрушенных во время извержения Везувия в 79 году н. э.) археологи обнаружили граффити следующего содержания: «Приветствуем тебя, Нерон», «Да здравствует Пoppея», «Слава Императору и Императрице».

Как мы видим, в медиатексте цитируются древние граффити на стенах домов Помпей. Лексические единицы медиатекста обозначают народную поддержку в целом (*popular support*); ИВ содержит знаки, задействуемые в качестве возгласов толпы и обозначающие прославление императора и императрицы, т. е. указана конкретная форма народной поддержки — прославление. Что касается когнитивных характеристик ИВ, то они актуализируют когнитивную модель конкретной ситуации «приветствие императора и императрицы народом» в отличие от обозначения общего отношения к императорской чете, передаваемого посредством словосочетания *popular support*. Следует отметить, что модель ситуации не представлена детально в ИВ, однако эмоциональных языковых единиц, выбранных автором, достаточно, по нашему мнению, для ее актуализации. Добавим, что актуализация (под которой мы понимаем извлечение из памяти когнитивных моделей ситуаций), происходящая посредством знаков медиатекста, а также знаков интертекстуального включения, способствует обновлению, воссозданию более детального набора знаний о событиях древнеримской истории и нравах, царивших в то время.

Исследуемый материал продемонстрировал, что ИВ чаще всего выполняют детализирующую дискурсивную функцию. Рассмотрим особенности ИВ, представляющего собой цитату из труда древнеримского историка Тацита:

No exile ever filled the eyes of beholders with tears of greater compassion ... After a few days, she received an order that she was to die... She was then tightly bound with cords, and the veins of every limb were opened; but as her blood was congealed by terror and flowed too slowly, she was killed outright by the steam of an intensely hot bath. To this was added the yet more appalling horror of Poppaea beholding the severed head which was conveyed to Rome (National Geographic, 2024).

Ни одно изгнание не вызывало когда-либо большего сострадания у очевидцев... Через несколько дней она узнала о том, что ей предстоит умереть... Затем ее крепко связали веревками и вскрыли все вены; но поскольку ее кровь застыла от ужаса и текла слишком медленно, ее бросили в кипяток, отчего она сразу же погибла. Это вызвало еще больший ужас у Пoppей, увидевшей отрубленную и доставленную в Рим голову.

Как и в предыдущих примерах, медиатекст содержит лексические единицы, обладающие общим значением (*murder of his wife Octavia*); ИВ при этом имеет языковые единицы, обозначающие конкретные действия, совершенные при убийстве жены Нерона — Клавдии Октавии (*She was then tightly bound with cords, and the veins of every limb were opened; but as her blood was congealed by terror and flowed too slowly, she was killed outright by the steam of an intensely hot bath*). Также в ИВ включены знаки, обозначающие отношение к ней, а также реакцию Пoppей — новой жены Нерона. Таким образом, ИВ выполняет детализирующую функцию еще и потому, что в нем репрезентированы когнитивные модели нескольких ситуаций («ссылка бывшей жены императора», «реакция на ссылку», «казнь бывшей жены императора»), из которых одна модель («казнь бывшей жены императора») представлена наиболее детально.

В следующем примере ИВ выполняет, на наш взгляд, экспрессивную функцию:

It's said that a well-known comic actor made a daring allusion in song to the murder. He sang: «**Farewell to thee, father; farewell to thee, mother**», while doing a mime of eating and swimming. Claudius had been poisoned while eating dinner, and Agrippina had narrowly escaped being drowned (National Geographic, 2024).

Говорили, что один известный комик смело намекнул на убийство в своей песне. Он спел: «Прощай, отец; прощай, матушка», одновременно изображая в пантомиме, как он ест и плавает. Клавдия отравили во время обеда, а Агриппина едва избежала смерти, спасшись с затонувшего корабля.

В данном случае ИВ не передает смысла «смерть отца и матери» эксплицитно, это происходит по метонимической модели: вместо прямой номинации смерти используются слова, которые произносятся при прощании; сами слова являются аллюзией на события, произошедшие с отчимом и матерью Нерона. Смысл «убийство» передается в тексте как эксплицитно (*murder*), так и имплицитно путем описания жестикуляции актера, изображающей некоторые из обстоятельств, при которых произошли трагические события. Цитата лишь метонимически повторяет передачу этого смысла, поэтому функция интертекста здесь — экспрессивная.

Интертекстуальным включением, по нашему убеждению, выступает и латинское словосочетание *damnatio memoriae* (*the removal of all his public and private images and inscriptions after his death*), обозначающее особую форму посмертного наказания, применявшуюся в Древнем Риме, т. е. название закона. Данное интертекстуальное включение в совокупности с его определением на английском выполняет, на наш взгляд, объяснительную функцию.

Приведем следующие примеры:

One legend about Nero recounts that, during the Great Fire of Rome in A.D. 64, he «**fiddled while Rome burned**», an expression still used to describe leaders responding frivolously to a crisis; However, Tacitus also chronicled rumors that the music-loving Nero spent the time «**in song**». On his orders they were «**covered with wild beasts' skins and torn to death by dogs; or they were fastened on crosses, and were burned to serve as lamps by night**». It was, according to Tacitus, «**a period rich in disasters, frightful in its wars, torn by civil strife, and even in peace full of horrors**» (National Geographic, 2024).

Согласно одной из легенд, во время Великого пожара Рима в 64 году н. э. Нерон «играл на музыкальном инструменте, пока Рим горел». Это выражение используется до сих пор по отношению к тем лидерам, которые легкомысленно относятся к кризисным ситуациям. Однако, Тацит также документировал слухи о том, что Нерон, обожавший музыку, проводил время «под песни». По его приказу их «покрывали шкурами диких животных, затем их разрывали на части собаки; еще их распинали на крестах и поджигали, чтобы они светили ночью». Согласно Тациту, этот «период был полон бедствий, страшных войн и распрей народа и даже в мирное время в нем было много ужаса».

Здесь ИВ выполняют, с нашей точки зрения, информативную функцию, поскольку они в рамках медиатекста сообщают о действиях субъектов как бы из уст участников, т. е. для передачи новой информации в тексте автор приводит не свои слова, а цитату: чужое слово вызывает больший интерес именно при контрасте со словами автора текста.

Таким образом, формальные, семантические, когнитивные, прагматические и контекстуальные элементы включения вступают во взаимодействие с такими же составляющими принимающего медиатекста, что приводит к выполнению ИВ определенной дискурсивной функции.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ИВ играют значимую роль в составе современного медиатекста. Несмотря на то что включенный и принимающий тексты отделены друг от друга разными дискурсами, жанрами, контекстами, а также значительно отдалены друг от друга во времени и пространстве, тем не менее ИВ оказывают значительное влияние на интерпретацию содержания современного медиатекста, формирование или изменение мнения читателя.

Содержание современного медиатекста также влияет на переосмысление событий прошлого, репрезентируемых при помощи ИВ. Мы полагаем, что в зависимости от формальных, семантических, когнитивных, прагматических и контекстуальных характеристик интертекстуальные включения по отношению к принимающему медиатексту выполняют детализирующую, экспрессивную, объяснительную и информативную дискурсивные функции.

Перспективы исследования состоят в выявлении и анализе других дискурсивных функций, выполняемых ИВ в составе медиадискурса, а также в исследовании функций ИВ в рамках других дискурсов.

Список источников

1. Балакина, Ю. В. (2024). Медиаконцепт «вакцинация» в дискурсе немецких СМИ во время пандемии COVID-19. *Вестник Томского государственного университета*, 509, 23–34. <https://doi.org/10.17223/15617793/509/>
2. Анисимов, И. В., Макеев, М. И., & Трищенко, Н. Д. (2024). Основные характеристики публикационной активности российских исследователей медиа и коммуникации в 2017–2021 гг. в изданиях, индексируемых Web of Science. *Вестник Томского государственного университета*, 508, 47–55. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/5>
3. Резанова, З. И., & Владимирова, В. Е. (2024). Федеральные и региональные новости в отражении кризисной ситуации (на материале русскоязычных текстов СМИ о пандемии COVID-19). *Вестник Томского государственного университета*, 507, 37–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/507/5>
4. Влавацкая, М. В., & Родина, Д. Г. (2024). Концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе. *Вестник Томского государственного университета*, 500, 76–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/500/9>

5. Галичкина, Е. Н., & Дроздова, Т. В. (2025). Метафорическая репрезентация концепта ИНТЕРНЕТ/INTERNET в русских и американских медиатекстах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (1), 52–65.
6. Болдырев, Н. Н., & Ефименко, Т. Н. (2025). Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (3), 5–18.
7. Заботкина, В. И., & Позднякова, Е. М. (2025). Манипулятор vs манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (4), 44–56.
8. Копнина, Г. А. (2025). Триггерность как коммуникативная категория медийного дискурса и ее роль в информационно-психологических войнах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (2), 42–52.
9. Азарова, В. Н. (2024). Детская тема на страницах сибирской периодической печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь», 1897–1900 гг.). *Вестник Томского государственного университета*, 499, 5–11. <https://doi.org/10.17223/15617793/499/1>
10. Толочин, И. В. (1996). *Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. Лингвостилистический аспект*. Издательство СПбГУ.
11. Кузьмина, Н. А. (1999). *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Издательство Уральского университета; Издательство Омского государственного университета.
12. Чернявская, В. Е. (1999). *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*. Издательство СПбГУЭФ.
13. Kristeva, J. (1980). *Desire in language: a semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
14. Баль, В. Ю. (2025). Сюжет «возвращения в рай из ада» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем. *Вестник Томского государственного университета*, 514, 16–24. <https://doi.org/10.17223/15617793/514/2>
15. Гудков, Д. Б., Красных, В. В., Захаренко, И. В., & Багаева, Д. В. (1997). Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. *Вестник Московского университета*, (4), 106–118.
16. Арнольд, И. В. (1999). *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Издательство СПбГУ.
17. Касавин, И. Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка*. Канон+.
18. Was Nero really a monster? (2024). *National Geographic*. (2026, 5 января). <https://www.nationalgeographic.com/history/article/emperor-nero-ancient-rome-reputation>
19. Verdonk, P. (2002). *Stylistics*. Oxford University Press.
20. *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. (1994). Т. М. Дридзе (Ред.). Наука.
21. Шевченко, В. Д. (2010). *Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики)*. Издательство «Самарский университет».
22. Firth, J. R. (1968). *Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959*. Indiana University Press.

References

1. Balakina, Yu. V. (2024). The media concept of «vaccination» in the discourse of the German media during the COVID-19 pandemic. *Tomsk State University Journal*, 509, 23–34. <https://doi.org/10.17223/15617793/509/>. (In Russ.).

2. Anisimov, I. V., Makeenko, M. I., & Trishchenko, N. D. (2024). The main characteristics of the publication activity of Russian media and communication researchers in 2017–2021 in publications indexed by Web of Science. *Tomsk State University Journal*, 508, 47–55. <https://doi.org/10.17223/15617793/508/5>. (In Russ.).
3. Rezanova, Z. I., & Vladimirova, V. E. (2024). Federal and regional news reflecting the crisis situation (based on Russian-language media texts about the COVID-19 pandemic). *Tomsk State University Journal*, 507, 37–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/507/5>. (In Russ.).
4. Vlavatskaya, M. V., & Rodina, D. G. (2024). Conceptual dominants of sports neologisms of English, German and Russian languages in media discourse. *Tomsk State University Journal*, 500, 76–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/500/9>. (In Russ.).
5. Galichkina, E. N., & Drozdova, T. V. (2025). Metaphorical representation of the ИИТЕПНЕТ/INTERNET concept in Russian and American media texts. *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 52–65. (In Russ.).
6. Boldyrev, N. N., & Efimenko, T. N. (2025). The influencing potential of media text: a cognitive approach. *Issues of Cognitive Linguistics*, (3), 5–18. (In Russ.).
7. Zabotkina, V. I., & Pozdnyakova, E. M. (2025). Manipulator vs manipulated: distortion of cognitive processes in media discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 44–56. (In Russ.).
8. Kopnina, G. A. (2025). Triggers as a communicative category of media discourse and its role in information and psychological warfare. *Issues of Cognitive Linguistics*, (2), 42–52. (In Russ.).
9. Azarova, V. N. (2024). Children's theme on the pages of Siberian periodicals (based on materials from the newspaper *Sibirskaya zhizn'*, 1897–1900). *Tomsk State University Journal*, 499, 5–11. <https://doi.org/10.17223/15617793/499/1>. (In Russ.).
10. Tolochin, I. V. (1996). *Metaphor and intertextuality in English language poetry*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
11. Kuzmina, N. A. (1999). *Intertextuality and its role in the processes of poetic language evolution*. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
12. Chernyavskaya, V. E. (1999). *Intertextual interaction as the basis for scientific communication*. Izdatel'stvo SPbGUE'F. (In Russ.).
13. Kristeva, J. (1980). *Desire in language: a semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
14. Bal, V. Yu. (2025). The plot of «return to heaven from hell» in Vladimir Sharov's novel «Return to Egypt»: A dialogue with Gogol. *Tomsk State University Journal*, 514, 16–24. <https://doi.org/10.17223/15617793/514/2>. (In Russ.).
15. Gudkov, D. B., Krasnykh, V. V., Zakharenko, I. V., & Bagaeva, D. V. (1997). Peculiarities of precedent statements' functioning. *Moscow State University Journal*, (4), 106–118. (In Russ.).
16. Arnold, I. V. (1999). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
17. Kasavin, I. T. (2008). *Text. Discourse. Context. Introduction into social epistemology of language*. Kanon+. (In Russ.).
18. Was Nero really a monster? (2024). *National Geographic*. (2026, 5 января). <https://www.nationalgeographic.com/history/article/emperor-nero-ancient-rome-reputation>
19. Verdonk, P. (2002). *Stylistics*. Oxford University Press.
20. *Prognostic social projecting: theoretical-methodological and methodical problems*. (1994). T. M. Dridze (Ed.). Nauka. (In Russ.).

21. Shevchenko, V. D. (2010). *Theory of discourses' interference (on the basis of English language mass media)*. Izdatel'stvo «Samariskij universitet». (In Russ.).
22. Firth, J. R. (1968). *Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959*. Indiana University Press.

Информация об авторах

Вячеслав Дмитриевич Шевченко — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва; профессор кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета; профессор кафедры лингвистики Приволжского государственного университета путей сообщения.

Екатерина Сергеевна Шевченко — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва.

Information about the authors

Viacheslav D. Shevchenko — Dr. Sc. (Philology), Docent, Head of English Philology Department, Faculty of philology and journalism, Samara National Research University; Professor, Foreign Languages Department, Samara State Technical University; Professor, Linguistics Department, Volga State Transport University.

Ekaterina S. Shevchenko — Dr. Sc. (Philology), Docent, Professor of Russian and Foreign Literature and PR Department, Faculty of philology and journalism, Samara National Research University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.